

Кулигин Василий**Дмитриевич**д-р экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация**ORCID:** 0000-0002-5859-2649**e-mail:** vassily_kuligin@mail.ru**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ДЕНЕГ**

Аннотация. Исследование взаимосвязи информации и денег является одной из наиболее актуальных, широко обсуждаемых и, вместе с тем, сложных для исследования проблем. Вместе с тем многие ее аспекты остаются неясными, требующими более глубокого исследования и осмысления. Объектом настоящего исследования стала природа субъективных оценок, их качественная и количественная характеристики в отношении непосредственного обмена вещами. В статье раскрыто содержание объективной меновой ценности как относительной величины, которая не является измеримой. Она несет в себе информацию о пропорции обмениваемых вещей. Количественное соотношение ценности имеющихся денежных единиц и ценности единиц, вымениваемых на них товаров определяет цену денег. Прослежена связь между товарными и кредитными деньгами. Доказано, что деньги выполняют свою информационную функцию как воображаемые, идеальные деньги. Сделан вывод о спонтанном приспособлении информационной системы конкурентных рынков, денег и цен к условиям падения покупательной способности денег. Результаты исследования расширяют знания об информационной природе денег и намечают перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: обмен, ценность, объективная меновая ценность, деньги, товарные деньги, кредитные деньги, идеальные деньги, кредит, долг

Для цитирования: Кулигин В.Д. Информационная природа денег // Вестник университета. 2022. № 1. С. 138–145.

INFORMATIONAL NATURE OF MONEY

Abstract. The study of the relationship between information and money is one of the most relevant, widely discussed and yet difficult issues to explore. However, many aspects remain unclear, requiring deeper research and understanding. The object of this study was the nature of subjective assessments, their qualitative and quantitative characteristics in relation to the direct exchange of things. The content of objective exchange value as a relative value that is not measurable has been revealed in the article. It carries with it information about the proportion of things exchanged. The quantitative ratio of the value of the available monetary units and the units value of goods exchanged for them determines the price of money. The connection between commodity and credit money has been traced. It has been proved that money fulfills its information function as imaginary, ideal money. It has been concluded about the spontaneous adaptation of the competitive markets, money and prices information system to the conditions of falling purchasing power of money. The results of the study extend knowledge about the informational nature of money and outline perspectives for further research.

Keywords: exchange, value, objective exchange value, money, commodity money, credit money, ideal money, credit, debt

For citation: Kuligin V.D. (2022) Informational nature of money. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 138–145. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-138-145

Введение

Вся организация рынка так или иначе служит прежде всего потребности в распространении информации, на основании которой должен действовать покупатель. Информация, которую несут в себе цены, является ключевым фактором, определяющим поведение агентов рынка. Цены выражены в деньгах. Исследование взаимосвязи информация и денег является одной из наиболее актуальных, широко обсуждаемых и, вместе с тем, сложных для исследования проблем. Интерес к ней значительно возрос связи с мировым финансовым кризисом и его последствиями. Вместе с тем многие аспекты этой темы остаются неясными, требующими более глубокого исследования и осмысления.

© Кулигин В.Д., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kuligin V.D., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Методология исследования

Субъективная оценка, как известно, определяет ценность вещи. Ценностные суждения условны. Будучи произвольными, они выражают чувства, вкусы или предпочтения индивида. К ним не применима проблема истинности или ложности. Они окончательны и не подлежат никакому доказательству или засвидетельствованию. Ценностные суждения представляют собой мыслительные акты конкретного индивида [8]. Мыслительные акты, а значит и понятие ценности, есть ни что иное как идеальное, существующее в головах индивидов. Сопоставление, соизмерение субъективных оценок является ничем иным, как сопоставлением, соизмерением идеального, присутствующего в головах участников обмена. Это информация о возможных пропорциях обмена вещами. При этом ценность одного товара выражена в единицах другого товара, то есть относительно. Вероятно, ценностное суждение несет в себе информацию, систематизированную в процессе опыта использования вещей. Именно различие этих оценок заключает в себе сведения о возможности заключения сделки.

Постановка проблемы

Перефразируя К. Маркса, субъективные оценки в обмене – это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключаящие или противоположные крайности, то есть полюсы одного и того же выражения ценности [5, с. 58–60]. Ценность одного товара может быть выражена через отношение к другому товару, то есть в сравнении с ним. Каждый из товаров служит образцом, мерилom для определения ценности другого товара. Моментами, крайностями являются субъективные оценки.

Если рассматривать товары как качественно однородные единицы, то не существует никаких препятствий для их обмена. Субъективная оценка вещей (ценность) – это их качественная характеристика. С этой точки зрения все материальные блага являются ценностями. Обмен товарами – это обмен ценностями как одноименными величинами. В то же время здесь присутствует и количественная составляющая оценки обмениваемых благ. Преградой для обмена становятся их количественные величины и определение их соотношений. Сопоставление субъективных оценок двух неодинаковых вещей определяет количественное соотношение, пропорцию их обмена. Их субъективные оценки с точки зрения качества одинаковые и количественно сравнимые. Необходимо, однако, помнить, что обнаруживаемые в обмене различия субъективных оценок вещей как с точки зрения их качества, так и количества, всегда относительны. В этом едином двустороннем процессе стоимость товара получает не зависящее от других факторов выражение. Она становится меновой стоимостью [5].

В трактовке О. Бём-Баверка она представляет собой объективную меновую ценность, которая не поддается измерению. Она отражает «способность благ – в силу положения дел в каждом конкретном случае – соответствовать определенному количеству иных благ в ходе каждого конкретного обмена» [1, с. 209]. Будучи величиной относительной, она представляет собой оценку вещи с точки зрения фиксации ее субъективных отличий от другой вещи, результат сравнения субъективных оценок обмениваемых вещей. Сам факт наличия таких субъективных различий, обнаруживаемых при определении объективной меновой ценности, говорит о ее органической связи с субъективной потребительной ценностью. Оценка обмениваемых вещей, то есть различий, заключенных в них, несет в себе информацию. Последняя определяет относительную ценность вещей и, следовательно, пропорции их обмена. Эти пропорции складываются в процессе многочисленных индивидуальных актов обмена, в ходе которых итоговый результат субъективных оценок всех лиц, предстают перед отдельными индивидами как независимый от них свершившийся факт, воспринимаемый агентами рынка как данность [7].

Сама по себе объективная меновая ценность не несет в себе никаких природных свойств, характеристик или особенностей. Она является продуктом субъективных оценок людьми конкретных благ, с которыми они повседневно имеют дело. Точно так же товар или меновая стоимость являются всего лишь носителями сведений о тех социальных связях, в которых протекает деятельность индивидов. Товарная форма никак не связана со свойствами материального субстрата вещей. Ее содержание составляет та информация, которая заключена в отношении субъекта к обмениваемым вещам. Субстанция последних является всего лишь носителем этой информации. И, прежде всего, это информация о выгоде, получающей каждой из сторон от взаимного обмена.

В этом случае речь идет о продавце и покупателе, которые обменивают имеющиеся в их распоряжении товары на некоторое количество денег. Спрос продавца на деньги является обратной стороной предложения им товаров. В то же время спрос покупателя на товары тождественен предложению им денег. Эта симметрия спроса и предложения определяет пропорцию обмена товаров на деньги и, следовательно, ценность денежной единицы. В этой терминологии уравнение, приводимое К. Марксом: « x товара $A = y$ денежного товара» [5, с. 105], можно интерпретировать следующим образом. У каждого из индивидов имеются свои собственные представления о ценности обмениваемых ими благ. Но, в противоположность К. Марксу, речь при этом не идет об измерении стоимостей товаров, а всего лишь об их ранжировании, то есть выстраивании субъективных оценок в порядке их важности относительно золота. Последнее выполняет функцию шкалы ценностей. Поскольку индивиды по-разному оценивают свои и чужие блага, согласованная ими цена обеспечивает каждому выгоду от обмена. Но это не абсолютная, а относительная величина субъективных оценок, их равенство в отношении.

Основные результаты

Ценность денег может изменяться по причинам, которые не зависят от самих участников обмена. С другой стороны, отношение может эволюционировать под влиянием происходящего на стороне товаров (товарная часть отношения). Как правило это становится возможным под влиянием технологических изменений и связанных с ними возникновением монополистических структур. Количественное соотношение между деньгами и товарами определяется размером предложения товара, которое в то же самое время является обратной стороной величины спроса на деньги. Цена денег – это фактически полученное за них количество благ. Если стоимость товара выражается в золоте, то денежная форма товара становится его ценой.

Ценностные суждения, представляющие собой мыслительные акты участников обмена, о которых говорилось выше, превращаются, таким образом, в товарные цены. Последние существуют в виде вообразимых количеств золота различной величины. Выраженные в качественно однородном материале они становятся одноименными, а значит сравнимыми, величинами. Как таковые, они сопоставляются друг с другом. При этом речь идет именно о мысленно представляемых количествах золота, об идеальной форме, существующей лишь в представлении. Стоимость, говорит К. Маркс, невидимо присутствует в самих обмениваемых вещах. Она обнаруживает себя «в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, существует лишь в их голове. Хранителю товаров приходится... навесить на них бумажные ярлыки, чтобы поведать внешнему миру их цены. Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото». Свою функцию уравнивания «стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные деньги» [5, с. 105–106]. Благодаря золоту цены, как мысленно представляемые его количества, получают стандарт для своего сравнения и сопоставления. При этом речь идет именно о мысленно представляемых количествах золота, об идеальной форме, существующей лишь в представлении.

Идеальными деньги стали тогда, когда все субъективные оценки отделились от товаров. Они получили свое материализованное, внешне самостоятельное воплощение в осязаемом материале. Товары начали измерять свои ценности в золоте. Золото противостояло товарам как вообразимый, противоположный образ их субъективных оценок. Оно стало их отображением, воплощением и носителем ценностей товаров. Реальными деньги становятся в процессе превращения бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота. Обмениваясь на него, товары подтверждают реальность отделившихся от них субъективных оценок вещей, их действительного образа ценности. Последний не имеет ничего общего с естественным природным субстратом вещей, их телесной субстанцией.

И в первом, и во втором случае речь идет об образе стоимости, в котором исчезли естественные чувственно осязаемые следы потребительной стоимости. «...Деньги есть образ всех других товаров, отделившийся от них...» [5, с. 120]. Сам по себе образ есть ничто иное, как бестелесная, бесплотная форма, информация. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что данное обстоятельство не изменяет товарной природы денег: ценник сохраняет единство товара как вещи и ее цены. На нем указаны наименование товара и его цена (информация).

Отношение «товар – деньги» представлено, таким образом, в виде реальных и идеальных денег. Идеальные деньги возникают тогда, когда товар превращается в деньги. Напротив, деньги становятся реальным товаром в том случае, когда они превращаются во вполне конкретные потребительные стоимости. Это замкнутая на самое себя информационная система, единица информации в ее абстрактном виде. Она представляет собой информационный процессор гораздо более масштабной картины, дающий представление о возможных вариантах обмена. Последние влияют на решения контрагентов и тем самым управляют их поведением. Выше было показано, что эта система, обеспечивающая эволюцию денег, создавала информацию, ее запись и использование. Она же поддерживает синхронное движение товарного и денежного потоков. Стабильность денег оказывает непосредственное влияние на достоверность и качество информации. Пока эта единица обладает информационным единством, в ее рамках сохраняется взаимопонимание и взаимодействие агентов рынка. Когда она с течением времени постепенно утрачивает свою прочность, происходит потеря генерируемых ею знаний.

Идеальные деньги изменяют пространственно-временные координаты обмена. Продажа и покупка теперь уже непосредственно не связаны между собой, что вносит принципиальные изменения в простую модель обмена продуктами [5]. Это обусловлено тем, что «процесс обращения не заканчивается... после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают от того, что они в конце концов выпадают из ряда метаморфозов данного товара» [5, с. 123]. С их появлением функционирование единого целого приобретает особую специфику. «...Деньги, в отличие от обычных товаров, предназначены не для того, чтобы их потреблять, а для того, чтобы передавать их из рук в руки. Вследствие этого изменение денежной массы (или спроса на деньги) не ведет непосредственно к новому равновесию» [13, с. 418].

Поскольку товары вступают в обмен с уже имеющимися у них ценами, эта информация хорошо известна акторам рынка. Но с развитием товарного обращения продавец становится кредитором, а покупатель – должником. Появляется дополнительная информация к уже имеющейся. Она обусловлена отделением во времени отчуждения товара от реализации его цены [5].

Но это обстоятельство никоим образом не влияет на выполнение деньгами функции средства обмена. «Кредитная сделка, – пишет Л. Мизес, – в сущности, есть не что иное, как обмен настоящего блага на благо будущее» [7, с. 28]. Цена устанавливается контрактом, то есть она фиксируется на каком-то определенном отрезке времени. Деньги, таким образом, участвуют в нем при определении цены продаваемого товара. Последняя фиксирует обязательство покупателя уплатить в установленный срок согласованную контрактом денежную сумму. В этой сделке деньги выполняют специфическую функцию идеального покупательного средства. Никакого физического перемещения денег от одного индивида к другому не происходит. Денежное обязательство является всего лишь мыслимым обязательством, то есть информацией определенного содержания. Точно таким же мыслимым остается и выполнение этого обязательства.

Отношения кредиторов и должников неразрывно сплетаются в ряд совершаемых сделок. Движение в обратном направлении следующих друг за другом платежей всего лишь выражает общественную связь, которая уже имела в готовом виде до него [5]. Это означает, что действительные кредитные деньги появляются естественным путем в самом процессе производства. Они образуются тогда, когда финансовые инструменты используются в не прямых обменах. Эти деньги не имеют своей собственной внутренней стоимости, а приобретают ее в процессе обмена. «Кредитные деньги являются исключительно производной разновидностью денег. Они получают свою стоимость (value) от ожидаемого будущего выкупа какого-либо товара. В этом отношении они кардинально отличаются от бумажных денег, которые ценятся сами по себе» [15, с. 28–29].

Эта необходимость выкупа какого-либо товара в будущем должна быть каким-то образом гарантирована. Она может основываться либо на доверии контрагентов друг другу, либо подтверждаться юридическими процедурами. Без этой дополнительной информации кредитные деньги теряют свою ценность. По этой причине они никогда не могут иметь такое обращение, которое соответствует обращению естественно возникших денег. Поэтому широкое распространение кредитных денег стало возможным только после того, когда сам кредит был деноминирован в товарных деньгах. Это сделало репутацию эмитента не подлежащей сомнению [15].

Расширение масштаба производства открыло для предпринимателей новые возможности предоставления кредита. Долговые обязательства за проданные товары, переносящие финансовые требования с одного лица на другое, постепенно вытесняли из обращения наличные деньги. Этот специфический способ движения и возрастания стоимости, как определенный тип социальной связи, дал толчок к концентрации платежей.

Появились особые учреждения, которые специализировались на взаимном погашении требований. Будучи по своей сути счетными, деньги, по всей видимости, естественным образом закладывали основу своеобразной институциональной инфраструктуры, обеспечивающей получение сведений, необходимых для принятия многообразных деловых решений. Это обстоятельство подчеркивает факт их информационной природы.

Тем не менее, возможности складывающейся информационной структуры были ограничены. Как констатирует Г. Г. Матюхин, у такой системы информации отсутствовали ресурсы для получения необходимых сведений в рамках более или менее обширной области. Кроме того, при отсутствии взаимной компенсации платежей разница должна была погашаться наличными деньгами. Банкнота стала средством разрешения возникших противоречий [6].

В форме банкноты кредитные деньги приобретают всеобщую значимость. Постепенно эмиссионно-банкнотные функции переходят к опирающимся на правительственную власть эмиссионным банкам. Учрежденная денежная система предоставляет монопольный статус законного платежного средства привилегированным долговым распискам. Когда они вытесняют с рынка все остальные, правительство приостанавливает выкуп выпущенных им банкнот. Тем самым оно превращает их в бумажные деньги. Такая последовательность событий была характерна всех основных западных стран [15].

Комментируя приравнивание банкноты к государственным бумажным деньгам, Г. Г. Матюхин констатирует, что она по самой своей сути, по-прежнему, остается формой кредитных денег. Банкнота является непосредственным представителем товаров [6]. Информационная ценность банкноты, таким образом, определяется ее непосредственной связью с товарами. Она выпускается под уже совершенные товарные сделки купли-продажи. Этим самым обеспечивается единство движения товарного и денежного потоков. Тем не менее, ситуация радикально изменилась. Хотя бывшие банкноты и бывший банк сохранили все свои внешние характеристики, но их природа стала другой.

Записи теперь уже не являются удостоверениями. Они не дают возможности претендовать на определенное количество драгоценного металла. В то же время центральный банк может напечатать любое количество денег практически при нулевых издержках. Единственным препятствием становится опасность гиперинфляции. Последняя, тем не менее, может колебаться в довольно широких пределах. За последние тридцать лет, пишет Г. Хюлсманн, национальные и международные бумажные деньги были произведены в огромных количествах. Но это не привело к падению ни одной из основных мировых валют [15].

Автор рассматривает опасность гиперинфляции в качестве единственного препятствия для прекращения неограниченного производства бумажных денег. Между тем действительную реакцию частного сектора на столь масштабные изменения покупательной способности денег явно никто не предвидел. Она противоречила интуитивным представлениям о возможности гиперинфляции и стала сюрпризом как для самих агентов рынка, так и для денежных властей.

В начавшемся движении в сторону свободных рынков и либерализации финансового сектора участниками рынка постепенно формировались условия для наиболее оптимального извлечения прибыли. Этому способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, деньги по своей природе органически связаны с информацией. Во-вторых, инновации в области цифровых технологий открыли новые возможности для проявления и реализации информационной составляющей денег. И, наконец, экономический рост во многих странах способствовал увеличению сбережений частного сектора и государств, которые нуждались во вложении в сверхнадежные финансовые инструменты [2]. Они искали более высокой доходности, чем у государственных облигаций, в то время как акции утратили свою привлекательность после обвала фондового рынка в 2000 г. [3].

Конкуренция, как известно, побуждает участников рынка постоянно следить за возможностями получения прибыли, находить и открывать ее дополнительные источники. Задача предпринимателя состоит в том, чтобы обнаружить новую, ранее никому не известную информацию и с выгодой воспользоваться ею для получения прибыли [11]. Будучи единой информационной системой рынка, деньги и цены позволяют координировать и интегрировать рассредоточенные и децентрализованные знания. Порожденная предпринимателями система коммуникации по сбору и переработке рассеянной информации упорядочила спонтанно действующие рыночные силы [12]. Выяснилось, что связь между вкладчиками и заемщиками необязательно должна проходить через коммерческий банк. Конкурентный рынок нашел свои способы преодолеть асимметрию знаний кредиторов и должников, предложив им новые финансовые инструменты с повышенной доходностью.

Была создана ранее неизвестная структура по сбору больших сумм денег инвесторов, которые направлялись на выдачу ипотечных кредитов. Сначала хороших, возврат которых был гарантирован. После того как они закончились, ссуды выдавались заемщикам со все более низкими стандартами.

В соответствии с новой моделью инвестиционные банки предоставляли ссуды ипотечным компаниям. Последние передавали деньги субстандартным заемщикам. После того как кредитные соглашения были подписаны, ипотечная компания продавала ссуды какой-либо другой компании для секьюритизации, часто той же самой, которая первоначально предоставила ссуду этой ипотечной фирме. Полученные кредиты дробились, смешивались, группировались и трансформировались в сложносоставные облигации. Эти бумаги, в которых были «запакованы» ипотечные кредиты, затем продавались внешним инвесторам, вместо того чтобы, как раньше, держать выданные суммы на собственном балансе [3]. Банки, таким образом, нашли новый источник рефинансирования своего кредитного портфеля, который не подпадал под существующую систему контроля [4].

Ипотечное кредитование стало бизнесом. Его движущей силой выступали получаемые банками платежи, а прибыль зависела от числа и объема совершаемых сделок. Стало возможным перераспределять деньги в пользу финансового сектора и получать прибыль минуя реальный сектор экономики. Традиционные банки также составляли важную часть создававшихся новых, действующих без регулирования, финансовых рынков. С развитием секьюритизации, информационных технологий торговли и взаиморасчетов, возникли разнообразные активы, которые непосредственно, в качестве обеспечения, превращаются в ликвидность или денежные эквиваленты. Весьма примечательным и принципиально важным моментом этой ситуации стало появление «новой формы кредитных денег» [3, с. 195–196]. Произошедшие изменения радикально преобразили способы работы денежной системы, и она вышла из-под контроля властей.

Большую роль в этом процессе играла дешевизна денег. Увеличение объемов потока капиталов из Китая на рынки Соединенных Штатов повышало спрос на ценные бумаги, номинированные в американских долларах. Цены на них росли, что удерживало на низком уровне долгосрочные процентные ставки в США. В результате ставки по ипотечным кредитам находились под понижающим давлением, поддерживая рост огромных «пузырей» на американских жилищном и кредитном рынках [10]. К тому же с 2001 по 2005 гг. Федеральная резервная система (далее – ФРС) сохраняла процентные ставки на исторически низком уровне. Они были главным фактором бумов на рынке жилья, подпитывая растущий спрос на недвижимость, вследствие чего постоянно повышались цены на жилые дома. Рост цен на активы приводил к увеличению левериджа. Опасность пузырей резко возрастает, особенно когда они подпитываются долгами, как в случае взрывного роста цен на недвижимость [9].

После того как цены на недвижимость начали снижаться, заемщики не могли больше рефинансировать свои ипотечные кредиты. Случаи банкротств участились, что стало причиной полномасштабной финансовой паники. Естественной реакцией перегруженных долгами агентов частного сектора стало сокращение своих расходов. Угроза дефляции становилась вполне реальной. Стремясь не допустить развитие событий по этому сценарию, ФРС привела в действие программы так называемого количественного смягчения. Целью ФРС было повышение инфляции. Их результатом, как было показано выше, стал рост цен на активы, который продолжался более десяти лет. Однако цены на потребительские товары и на товары промышленного назначения оставались относительно стабильными. Этот факт, по-видимому, свидетельствует о мощном дефляционном потенциале, накопленном экономикой. Тем не менее, спустя почти четырнадцать лет после начала кризиса индекс потребительских цен начал расти и по итогам октября 2021 г. оказался на рекордном за последние тридцать лет уровне [14]. Пока неясно, как долго продлится рост цен и насколько он будет устойчивым. Федеральная резервная система настаивает на том, что начавшаяся инфляция носит временный характер. Однако многократно возросшая денежная база в сочетании с постоянно увеличивающимися бюджетными расходами может привести к тому, что инфляция, о которой писал Г. Хюлсманн, станет реальностью.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- генерируемая конкурентными рынками информация всегда относительна. Ее качество определяется стабильностью ценности денежной единицы;
- в условиях инфляции активов ограничением для функционирования экономики стало креативное и адекватное использование частным сектором существующей информации для извлечения прибыли.

Подводя итоги, сформулируем следующие дискуссионные вопросы: 1) остается неясным, каким образом может быть остановлено перманентное разрушение ценности денег; 2) повышение качества информации определяется жесткостью нерегулируемой рыночной активности, обеспечивающей адекватность субъективных оценок агентов рынка. Эффективность работы информационной системы экономики, по-видимому, во многом зависит от этого.

Библиографический список

1. Бем-Баверк, О. фон. Капитал и процент; Т. 2: Позитивная теория капитала; Т. 3: Экскурсы / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2010. – 916 с.
2. Вайн, С. Глобальный финансовый кризис: Механизмы развития и стратегия выживания. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 302 с.
3. Вулф, М. Сдвиги и шоки: чему нас научил и еще должен научить финансовый кризис / пер. с англ. А. Гусева; под науч. ред. Е. Головляницыной. – М.: Изд-во Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2016. – 512 с.
4. Джонсон, С., Квак, Д. 13 банков, которые правят миром. В плену Уолл-Стрит и в ожидании следующего финансового краха / пер. с англ. В. Егоров. – М.: Карьера Пресс, 2014. – 384 с.
5. Маркс, К. Капитал. Т.1. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-изд. – Т. 23. – М.: Гос. Изд. Полит. Литературы. – 907 с.
6. Матюхин, Г. Г. Проблемы кредитных денег при капитализме: Историчность форм денег и их функции. Деньги и кругооборот капитала. Идентичная эволюция мировых и национальных денег. Единство денежных и валютных кризисов, их функциональных и циклический характер. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 224 с.
7. Мизес, Л. фон. Теория денег и кредита / пер. с англ. и нем., под ред. и с комм. Г. Сапова. – Челябинск: Социум, 2012. – 808 с.
8. Мизес, Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ., под ред. проф. А. Г. Грязновой. – Челябинск: Социум, 2013. – 368с.
9. Рейхарт, К. М., Рогофф, К. С. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства / пер. с англ. Д. Стороженко, науч. ред. В. Никишкин. – М.: Карьера Пресс, 2011. – 528 с.
10. Роуч, С. Несбалансированные. Созависимость Америки и Китая. – М.: Изд-во Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2019. – 520 с.
11. Уэрта де Сото, Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательской творчество / пер. с англ. Б. С. Пинскера, под ред. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2011. – 202 с.
12. Хайек, Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой, под ред. Р. И. Капелюшников. – Челябинск: Социум, 2011. – 394 с.
13. Хайек, Ф. А. Конституция свободы / пер. с англ. Б. Пинскер, ред. А. Красникова. – М.: Новое издательство, 2018. – 528 с.
14. Как рекордная инфляция в США повлияет на Россию // Ведомости. – 2021. – 11 ноября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/11/11/895522-rekordnaya-inflyatsiya> (дата обращения: 23.11.2021).
15. Hülsmann, J. G. The ethics of money production / Ludwig von Mises Institute. – Auburn: Alabama, 2008. – 280 p.

References

1. Böhm-Bawerk E. von. *Capital and interest*, vol. II. Positive Theory of Capital, vol. III. Further Essays on Capital and Interest, transl. from Eng. V. Koshkin, ed. A. V. Kuryaev, Chelyabinsk, Dotsium, 2010, 916 p. (In Russian).
2. Vine S. *The global financial crisis: Development mechanisms and survival strategy*, Moscow, 2009, 302 p. (In Russian).
3. Wolf M. *The shifts and the shocks: What we've learned – and still have to learn – from the financial crisis*, trans. from Eng. A. Gusev, Sci. ed. E. Golovlyanitsina, Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ. House, 2016, 512 p. (In Russian).
4. Johnson S., Kwak J. *13 Bankers. The Wall Street take over and the next financial meltdown*, trans. from Eng. V. Egorov, Moscow, Kar'era Press, 2014, 384 p. (In Russian).
5. Marx K. *Capital*. V.1, Marx K., Engels F. Compositions, 2nd edition, vol. 23, Moscow, Gos. Izd. Polit. Literatury, 907 p. (In Russian).
6. Matyukhin G.G. *Problems of credit money under capitalism: Historicity of forms of money and their functions. Money and the circulation of capital. Identical evolution of world and national money. The unity of monetary and currency crises, their functional and cyclical nature*, Moscow, LENAND, 2017, 224 p. (In Russian).
7. Mises L. Von *The theory of money and credit [Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel]*, trans. from Eng. and Germ., ed. and comm. Gr. Sapov, Chelyabinsk, Sotsium, 2012, 808 p. (In Russian).
8. Mises L. Von. *Theory and history. An interpretation of social and economic evolution*, trans. from Eng., ed. prof. A. G. Gryaznova, Chelyabinsk, Sotsium, 368 p. (In Russian).

9. Reinhart C. M., Rogoff K. S. *This time is different. Eight centuries of financial folly*, trans. from Eng. D. Storozhenko, sci. ed. V. Nikishkin, Moscow, Kar'era Press, 2011, 528 p. (In Russian).
10. Roach S. *Unbalanced. The codependency of America and China*, Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ. House, 2019, 520 p. (In Russian).
11. Uerta de Soto J. *Austrian economic school: market and enterprise creativity*, trans. from Eng. B. N. Pinsker, ed. A. V. Kuryaev, Chelyabinsk, Sotsium, 2011, 202 p. (In Russian).
12. Hayek F. A. *Individualism and economic order*, trans. from Eng. O. A. Dmitrieva, ed. A. V. Kapelyushnikov, Chelyabinsk, Sotsium, 2011, 394 p. (In Russian).
13. Hayek F. A. *The Constitution of liberty*, trans. from Eng. B. Pinsker, ed. A. Krasnikova, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2018, 528 p. (In Russian).
14. How record inflation in the US will affect Russia, *Vedomosti*, 2021, November 11. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/11/11/895522-rekordnaya-inflyatsiya> (accessed 23.11.2021).
15. Hülsmann J. G. *The ethics of money production*, Ludwig von Mises Institute, Auburn, Alabama, 2008, 280 p.